

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Статья поступила в редакцию: 16.08.2026

Статья принята к публикации: 29.08.2026

Статья опубликована: 05.09.2026

УДК 159.9+140.8

**Синтализм: от фрагментации к целостности. Путь через кризис к синтезу
себя и мира**

Солодилов Дмитрий Сергеевич

нейропсихолог, клиника Сомед

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: elfee777@mail.ru

**Syntalism: from fragmentation to wholeness. The path through crisis to the
synthesis of self and the world**

Solodilov Dmitry Sergeevich

Neuropsychologist, Somed Clinic

Russia, Moscow

Аннотация

В научной статье подробно исследуются философские и психологические механизмы преодоления фундаментальной раздробленности человеческого бытия в рамках авторской концепции синтализма. Основной целью работы является теоретическое обоснование закономерного перехода личности от репрессивных паттернов «фальшивого Я» к холистической интеграции духа и разума через обязательное прохождение глубинного экзистенциального кризиса. Методология междисциплинарного исследования базируется на системном синтезе фундаментальных принципов классического рационализма, философской феноменологии и современного экзистенциального анализа. В тексте подробно раскрыта деструктивная природа ригидных эго-идентификаций, порождающих перманентную невротизацию современного субъекта в условиях отчуждения. Полученные результаты убедительно доказывают, что кризис пограничных и предельных состояний выступает в

Библиографическое описание: Солодилов Д.С. Синтализм: от фрагментации к целостности. Путь через кризис к синтезу себя и мира // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 9(136). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/23357>

качестве необходимого инициатического этапа, запускающего механизмы посттравматического личностного роста. Автор статьи детально обосновывает инновационный метод «незаданного вопроса» как эффективный терапевтический инструмент деконструкции жестких иерархических категоризаций ради обретения подлинной внутренней целостности и автономии. Практическая значимость исследования заключается в возможности непосредственного внедрения разработанного синталистического подхода в клиническую, консультативную и нейропсихологическую практику для комплексной реабилитации субъектов, переживших тяжелые психические травмы и когнитивные деформации.

Abstract

This scientific article explores in detail the philosophical and psychological mechanisms for overcoming the fundamental fragmentation of human existence within the author's concept of syntalism. The primary goal of the work is to theoretically substantiate the natural transition of the individual from the repressive patterns of the «false self» to the holistic integration of spirit and mind through the necessary passage through a profound existential crisis. The methodology of this interdisciplinary study is based on a systemic synthesis of the fundamental principles of classical rationalism, philosophical phenomenology, and contemporary existential analysis. The text thoroughly explores the destructive nature of rigid ego identifications that give rise to the permanent neuroticism of the modern subject in conditions of alienation. The results convincingly demonstrate that the crisis of borderline and extreme states acts as a necessary initiatory stage, triggering the mechanisms of post-traumatic personal growth. The author of this article provides a detailed justification for the innovative «unasked question» method as an effective therapeutic tool for deconstructing rigid hierarchical categorizations to achieve genuine internal integrity and autonomy. The practical significance of this study lies in the potential for the immediate implementation of the developed syntalistic approach into clinical, counseling, and neuropsychological practice for the comprehensive rehabilitation of individuals who have experienced severe mental trauma and cognitive impairment.

Ключевые слова: синтализм, фрагментация бытия, фальшивое Я, подлинное Я, экзистенциальный кризис, посттравматический рост.

Keywords: syntalism, fragmentation of existence, false Self, true Self, existential crisis, post-traumatic growth.

Введение

Современный человек вынужден существовать в расколотом пространстве смыслов и противоречивых желаний. Разумеется, эта тотальная фрагментация бытия пронизывает внутренний мир личности и проецируется на общественные отношения, порождая межличностные неврозы, расколы и конфликты. Вне всякого сомнения, внешняя раздробленность социума является прямым следствием и зеркальным отражением неосознаваемого внутреннего раскола самого субъекта, бессознательно воспроизводящего хаос в макрокосме. По-видимому, конструктивным выходом из этого цивилизационного тупика выступает синтализм — метод, рассматривающий кризис предельных состояний как

инструмент перехода от фрагментации к тотальной интеграции и всеобщему синтезу. Целью исследования является концептуализация процесса преодоления раздробленности человеческого сознания и перехода к холистической модели бытия посредством прохождения экзистенциального кризиса.

Материалы и методы

В качестве исследовательского материала используются концептуальные положения синтализма, а также классические тексты картезианского рационализма, феноменологии и экзистенциального анализа. Методологическую основу составил системный подход, позволивший рассмотреть личность как динамическую саморазвивающуюся систему, стремящуюся к обретению внутренней целостности. С этой целью автором применяется теоретическое сопоставление фундаментальных параметров фрагментированного и целостного бытия. Фрагментированное бытие характеризуется доминированием фальшивого Я-эго, цепляющегося за маски, в то время как целостное синталистическое бытие основывается на подлинном Я, интеграции опыта и восприятии внешнего поля через призму субъективной целостности. Важнейшим методом послужила феноменологическая редукция, позволяющая очистить подлинное «Я» от наносных ролей через введение инструмента «незаданного вопроса».

Результаты и обсуждение

Безусловно, главным препятствием на пути к обретению подлинного всеобщего синтеза выступает так называемое фальшивое Я-эго, которое представляет собой сумму навязанных ролей, инфантильных масок и ложных идентификаций, судорожно цепляющихся за материальные атрибуты, социальный статус и иллюзию власти. Оказывается, ставя себя на один уровень с объектами-вещами и полностью подчиняясь материальному началу, фальшивое Я неизбежно впадает в иллюзию превосходства, что является базовым источником человеческой агрессии. В рамках классического картезианского метода такое ложное цепляние за внешнее преодолевается через тотальное сомнение, ведь для обретения прочного гносеологического фундамента субъекту необходимо отсечь все наносные маски. Как справедливо отмечал основоположник философии рационализма, «Архимед, для того чтобы сдвинуть с места всю землю, требовался лишь одна прочная и незыблемая точка; точно так же и мне необходимо обнаружить хотя бы малейшее утверждение, которое было бы абсолютно достоверным и свободным от сомнений» [2, с. 112].

Синтализм, развивая эту мысль, утверждает, что фальшивое Я изначально обречено на ментальную гибель в процессе метафорического Армагеддона — очистительного огня экзистенциального кризиса, смывающего иллюзорные привязанности. Очевидно, что возникающие после крушения эгоцентрических иллюзий депрессивные состояния и посттравматический синдром (ПТСР) фиксируют состояние постапокалипсиса, наступающее сразу после того, как условное «золотое яичко» детских представлений о собственной исключительности оказывается безвозвратно разбито. Однако именно в этой травматической пустоте для личности открывается уникальный шанс развернуться к своей подлинной сути и задаться фундаментальным вопросом о том, кто же остался после потери

всех внешних атрибутов. Следовательно, кризис и психическая травма дефинируются в синестетической системе синтализма не как катастрофа, а как необходимый инициатический этап развития, обеспечивающий переход к взрослой, когнитивно интегрированной целостности. Как утверждалось в фундаментальных трудах по критической философии, «наш разум не черпает свои законы из природы, а, напротив, сам предписывает ей, упорядочивая хаос эмпирических восприятий в апперцепции всеобщего единства» [3, с. 218]. Интересно заметить, что для технологичного преодоления травматического раскола синтализм вводит ключевое понятие неоапокалипсиса, которое символизирует рождение качественно нового пространства тотального синтеза, надежды и посттравматического роста, уподобляемого метафоре созревающего зерна. Процесс синталистической инициации личности разворачивается последовательно: от первичной фрагментации субъект переходит к стадии тотального разрушения ложных опор в огне кризиса. За этим следует фаза постапокалиптического переживания травмы, подталкивающая человека к глубокому развороту вовнутрь, разномыслию и отказу от претензий на владение абсолютной истиной. Конечным итогом данной ментальной трансформации становится выход в пространство неоапокалипсиса, где разрозненные фрагменты жизненного опыта кристаллизуются в целостную структуру. По всей видимости, важнейшим методологическим инструментом синтализма на пути к обретению внутренней автономии выступает так называемый незаданный вопрос, под которым понимается временный, глубоко осознанный отказ субъекта от выделения конкретной фигуры из общего фона. Вне всякого сомнения, традиционные, постоянно навязываемые обществом вопросы в стиле «кто ты такой?» или «правильно ли это?» неизбежно порождают жесткую категоризацию, искусственную иерархию и разделение. Отвечая на вопрос «кто ты?», человек пытается сделать внешней точкой сборки чужие оценки, что приводит к системному сбою индивидуального сознания. Синталистический незаданный вопрос, напротив, базируется на смирении гордыни, разрыве невротической привязанности к готовым интеллектуальным ответам и полном принятии всеобщего реляционного фона бытия в том виде, в каком он объективно существует. В этих координатах человеческое сознание начинает функционировать подобно реляционной базе данных, где маски, роли, влечения и внешние объекты не довлеют над личностью, а воспринимаются как изменчивые элементы единого информационного поля, требующие от человека ответа на вечный вызов бытия: «что делать?» [7, с. 280]. В связи с этим уместно вспомнить слова выдающегося экзистенциального мыслителя, утверждавшего, что «страдание и кризис перестают быть разрушительными в тот самый миг, когда человек обнаруживает в них глубокий внутренний смысл и способность к преобразению самости» [6, с. 84]. Подобное преобразование возвращает субъекта к живому акту мышления, свободному от мертвых лингвистических штампов. Как точно подмечалось в рамках отечественной философской традиции, «философия — это не сборник готовых истин или догм, а непрерывный, живой и глубоко личный акт понимания, совершающийся здесь и сейчас как событие индивидуальной свободы» [4, с. 142]. Таким образом, незаданный вопрос синтализма позволяет очистить сознание от ложной лингвистической привязанности, поскольку, как утверждалось в классических трудах по философии языка, «границы моего языка означают границы моего мира, и преодоление жестких концептуальных схем открывает доступ к непосредственной архитектонике чистого логического пространства» [10,

с. 70-74]. Более того, такой отказ от жестких рамок выводит личность на уровень пререфлексивной самоочевидности, когда внутреннее сознание времени и самости удерживает свою целостность до всякого аналитического разделения на субъект и объект [11, с. 165].

Заключение

Резюмируя концептуальные основы учения, можно с полной уверенностью утверждать, что преодоление фрагментации внутри себя автоматически устраняет почву для любых внешних социальных катаклизмов, поскольку у интегрированного субъекта полностью исчезает невротическая потребность возвышаться за счет подавления Другого. Разумеется, синталистическая интерпретация феномена гуманизма решительно отвергает элитарные концепции избранности и сходится в том, что заблуждение искать «сверхчеловека» среди высших идолов, ибо подлинным сверхчеловеком, способным к тотальному взаимоуважению, должен стать либо каждый, либо никто, о чем громогласно возвещали пророки новой морали [5, с. 150]. Вне всякого сомнения, «не-Я» — это не враг, которого нужно подчинить или завоевать, а такой же Другой, чье уникальное субъективное существование заслуживает безусловного признания и бережного сохранения его индивидуальных границ. В этом контексте синталистический синтез смыкается с концепциями личной идентичности и индивидуации, доказывающими уникальность каждого сознания в общем континууме бытия [8, с. 235]. Свобода воли, обретаемая личностью через Армагеддон кризиса, манифестирует себя как высший творческий акт интеграции. Как пронизательно констатировал классик русской религиозной философии, «свобода не есть лишь выбор между добром и злом, она есть творческий прорыв, способность духа порождать качественно новое бытие из глубин божественной целостности» [1, с. 315]. Настоящий внутренний синтез превращает каждого зрелого человека в уникальную форму, в содержании которой выражена абсолютная целостность вселенной, уничтожающая ложные деконструктивистские разрывы между словом и смыслом [9, с. 105]. В итоге синталистический субъект обретает статус венца эволюции, соединяющего в себе гармонию индивидуального существования и всеобщего космического бытия.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2011. – 456 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. – М.: Наука, 1998. – 655 с.
4. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше; пер. с нем. – СПб.: Азбука, 2020. – 416 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл; пер. с англ. – М.: Progress, 1990. – 368 с.

7. Чернышевский Н.Г. Что делать? / Н.Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1975. – 560 с.
8. Williams B.A.O. Personal identity and individuation / B.A.O. Williams // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1956. – Т. 57.
9. Wilson F. Hume and Derrida on language and meaning / F. Wilson // Hume Studies. – 1986. – Т. 12, № 2.
10. Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis, 1994 P. 1–74.
11. Zahavi D. Inner time consciousness and pre-reflective self-awareness / D. Zahavi // The new Husserl: a critical reader. – 2003.

References

1. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva [Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 P. (In Russ.)
2. Descartes R. Rassuzhdenie o metode [A Discourse on the Method]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011. 456 P. (In Russ.)
3. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 655 P. (In Russ.)
4. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu [How I Understand Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 P. (In Russ.)
5. Nietzsche F. Tak govoril Zarathustra [Thus Spoke Zarathustra]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2020. 416 P. (In Russ.)
6. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 P. (In Russ.)
7. Chernyshevsky N.G. Chto delat'? [What Is to Be Done?]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 560 P. (In Russ.)
8. Williams B.A.O. Personal identity and individuation // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1956.
9. Wilson F. Hume and Derrida on language and meaning. Hume Studies, 1986, vol. 12, no. 2, P. 99–121.
10. Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis, 1994 P. 1–74.
11. Zahavi D. Inner time consciousness and pre-reflective self-awareness. The new Husserl: a critical reader. Bloomington, Indiana University Press, 2003, P. 157–180.